

Горький без грима

Книга под многообещающим и обаяющим этим названием только что появилась в Москве. О ее грядущем выходе оповещали читателей уже давно, публиковали и интервью с автором, и главы из нее; о необходимости ее скорейшего издания высказывались С.Залыгин, Ю.Карякин, Ю.Давыдов, В.Распутин и др. Однако книга по разным причинам и обстоятельствам не издавалась. И вот объявилась наконец. Доктор филологических наук, известный критик, университетский профессор-нижегородец Вадим Баранов, по его словам, писал эту книгу "с юности, переписывал, дополнял всю жизнь и мечтал непременно опубликовать в России".

"Говорящее" название конкретизируют подзаголовки: "Тайна смерти. Роман-исследование". Трактатке уже высказанных версий и попыток раскрытия этой тайны и посвящена одна из центральных глав.

Естественно найти здесь доскональный разбор свидетельств об отравлении Горького конфетами, присланными от Сталина.

Разбираются и слова одного из лечивших писателя, впоследствии расстрелянного профессора Д.Плетнева, поведенные им сотруднице по лагерному лазарету немецкой журналистке Б.Герланд. И изложение нюансов той же версии художником Ю.Анненковым. И "Семь смертей Максима Горького" — варианты истолкования насильственной кончины, описанные польским писателем Г.Герлингом-Грудзинским, бывшим лагерником. И формула писателя-эмигранта Б.Зайцева: "Можно ли было тогда думать, что революция, которой он так жаждал, ему же и преподнесет кубок с отравой?" И статья "Почему Сталин убил Горького?" знаменитого филолога Вяч. Вс. Иванова, и опус заведующего горьковским архивом при ИМЛИ В.Барахова ("Вопросы литературы") о медицинских свидетельствах старения, болезней.

Однако же все это кажется автору крайне неубедительным. Он собирается

скупавшиеся им по дешевке у гонимых, разоренных коммунистами: японские костяные фигурки "нэцке", старинные монеты, картины, бронзу, фарфор, хрусталь, драгоценный антиквариат.

Особого внимания заслуживает знаменательная и по сути "официально-инспекционная" поездка Горького в 1929 г. в Соловецкий лагерь особого назначения — СЛОН, затоптавший насмерть столько судеб безвинных узников. В.Баранов комментирует свидетельства, впервые обнародованные еще в "Архипелаге ГУЛАГ" А.Солженицына, о заходе М.Горького в "образцово-показательную" камеру: когда он, поняв, что перед ним разыгрывается спектакль, молча перевернул "с головы на ноги" газету в руках него вопиющего ээка...

Бывший узник этого лагеря академик Д.С.Лихачев говорил: "Горькому дали понять, что если он ответит все обвинения от лагеря, то режим будет смягчен. Наверное, так оно и было. Горький сдержал слово, палачи — нет".

Горький поехал в места исполнения наказаний, чтобы лично убедиться хоть в одном: в действенности "трудового перевоспитания масс преступников", ставшего "благом для них и страны". Он закрыл глаза на творящиеся ужасы и безобразия, не постеснялся одобрить, воспеть "перековку" в одном из очерков.

В главе "Ослепленность" автор рассуждает о встрече, которая могла произойти у Горького на Беломорканале с будущим академиком А.Ф.Лосевым, тогдашним рабом на прокладке канала. Он приводит трагические письма философа со стройки, сопоставляя их со статьей Горького в "Правде", громящей нелегальную брошюру Лосева "Дополнение к диалектике мифа". "Жизненная концепция Горького, — пишет автор, — обретала все больше того, что выражала официальная идеологическая доктрина".

В период после Октябрьского переворота Горький заступался за многих, подвергшихся преследованиям, — к концу же жизни он стал рупором сталинских идей. Многого о личных взаимоотношениях Горького и Сталина мы еще не знаем, ибо из нескольких десятков писем писателя к вождю большая часть еще не опубликована.

Подробнейшим образом исследует В.Баранов множество материалов о чекистском окружении Горького. Он приводит ряд версий о насильственной смерти писателя, роковую роль в организации которой сыграла его третья "невенчанная жена" баронесса Мария Будберг, "железная женщина". С высказанными в одноименной книге Н.Берберовой версиями автор полемизирует, привлекая новые материалы. А в главе "Как и когда Сталин заполучил лондонский архив Горького" и последующих — выстраивает собственную цепочку довольно обоснованных доказательств, развивая тему последнего приведшего к гибели противостояния писателя вождю.

"Художник и Система. Между Маяковским и Солженицыным" — одна из завершающих глав — содержит вывод: "Думается, после всего сказанного в этой книге возможен один ответ: нет, до "воспевания" кровавого 1937-го Горький все же не докатился бы. Кривая развития шла бы (и уже шла!) иначе". Правда, он добавляет при этом, что "по складу своей природы Горький вовсе не был личностью героической".

Выяснение причин и обстоятельств трагедии бывшего гуманиста, пошедшего на сговор с бесами русской революции, в результате чего произошли крушение и гибель художника, — вот суть исследования Вадима Баранова о Максиме Горьком.

ЛЕВ АЛЕЙНИК

Москва

понять: "Кто же был этот убийца — если был?"

В.Баранову удается путем сопоставлений огромного массива фактов и догадок предшественников привести свои веские доказательства причастности Сталина и его подручных к организации гибели Горького и выявить способствовавшие этому манипуляции с оттягиванием сроков приезда ряда лиц к больному писателю и т.п.

Горький жил, как известно, в экспропрированном и переданном ему Сталиным особняке Рябушинского в самом центре Москвы, а также на реквизируемых дачах. "Великий пролетарский писатель" коллекционировал редкости,

Вадим Баранов. Горький без грима. Тайна смерти. Роман-исследование. Москва, "Аграф", 1996, 400 с. 5000 экз.